Юридический интерес как критерий определения надлежащих заявителей по делам об ограничении дееспособности (признании гражданина недееспособным): проблемы и перспективы

Грицких Елена Александровна
кандидат юридических наук, судья в отставке, доцент кафедры гражданского и административного права, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, gritskih77@mail.ru

В статье анализируются проблемы определения круга надлежащих заявителей по делам об ограничении дееспособности и признании гражданина недееспособным. На основе доктринальных подходов и судебной практики обосновывается, что формальный перечень родственников в ст. 281 ГПК РФ подменяет критерий юридического интереса критерием родства. Это ведет к необоснованным отказам в судебной защите. Автор предлагает ориентировать суды на оценку фактических семейных отношений и ведения общего хозяйства, закрепить за прокурором право на обращение в исключительных случаях (при бездействии иных лиц), а также предоставить самому гражданину возможность самостоятельно инициировать признание его недееспособным.
Ключевые слова: юридический интерес, ограничение дееспособности, признание недееспособным, надлежащий заявитель, члены семьи, ст. 281 ГПК РФ.

Порядок рассмотрения дел об ограничении дееспособности гражданина и признании гражданина недееспособным закреплен в главе 31 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Данный правовой институт призван создать необходимые условия для защиты как самих лиц, в отношении которых ставится вопрос об их дееспособности, так и иных заинтересованных лиц – членов их семей, близких родственников и общества в целом. Вместе с тем эффективность такой защиты во многом зависит от определенности правового регулирования, в частности от четкости процессуальных норм, определяющих порядок возбуждения гражданских дел об ограничении дееспособности гражданина и признании гражданина недееспособным.

В действующем законодательстве, а именно в ст. 281 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), указан закрытый перечень лиц, управомоченных на подачу таких заявлений. Формально законодатель попытался учесть при определении указанного круга лиц юридический интерес заявителя. При этом в науке гражданского процессуального права юридический интерес (заинтересованность в исходе дела) традиционно рассматривается как одна из важнейших категорий [1-5]. Р.Е. Гукасян под процессуальным юридическим интересом (заинтересованностью) понимал основанную «на юридических нормах объективно существующую социальную потребность в гражданском процессе, выражающуюся в таком отношении граждан и юридических лиц, прокурора, органов государственного управления и других социалистических организаций к гражданскому делу, при котором защита права или охраняемого законом интереса, осуществление служебных функций и удовлетворение общественного интереса находятся в зависимости от судебного решения в данном процессе» [2, с. 472].

Применительно к рассматриваемым категориям дел для заявителя (членов семьи, близких родственников) процессуальный интерес будет состоять в получении судебного решения, которое является единственным законным основанием для установления опеки (попечительства) в отношении лица, признаваемого недееспособным (ограниченно дееспособным), например, в целях последующего управления его имуществом, получения за него пенсионных выплат и т.д.

Между тем при анализе действующего законодательства обнаруживаются существенные пробелы в определении круга лиц, имеющих право на обращение в суд с соответствующими заявлениями. Отсутствие ясного перечня таких лиц, а также неоднозначность в вопросе о праве прокурора и самого гражданина выступать в качестве заявителя порождают сложности в правоприменительной деятельности и требуют научного анализа.

Согласно части 2 статьи 281 ГПК РФ, дело о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства может быть возбуждено в суде на основании заявления членов его семьи, близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер) независимо от совместного с ним проживания, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами [6].

Р.Е. Гукасян полагал, что «процессуальный интерес может быть материально-правовым (личным) и служебным (общественным)» [2, с. 472]. В рамках рассматриваемой категории дел о признании гражданина недееспособным члены семьи и

близкие родственники выступают носителями личного интереса, тогда как орган опеки и попечительства – носителем служебного интереса, что объясняет их включение в перечень заявителей. При этом можно отметить, что законодатель сформулировал расширенный подход к определению круга заявителей по делам о признании гражданина недееспособным, предусмотрев, что члены семьи и близкие родственники вправе обращаться в суд независимо от совместного проживания с гражданином, в отношении которого подается заявление.

Такой подход представляется обоснованным, поскольку психическое расстройство может служить причиной раздельного проживания близких родственников либо, напротив, гражданин может постоянно находиться в стационарной организации социального обслуживания, что не должно ограничивать право его родственников на обращение за судебной защитой.

Иная ситуация складывается при рассмотрении дел об ограничении дееспособности гражданина. В соответствии с частью 1 статьи 281 ГПК РФ, дело об ограничении гражданина в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь [6].

Примечательно, что в данной норме отсутствует указание на возможность обращения заявителя в суд «независимо от совместного проживания» с гражданином, которое содержится в части 2 той же статьи. Вместе с тем из совокупного анализа частей 1 и 2 статьи 281 ГПК РФ следует, что при подаче заявления об ограничении дееспособности требование о совместном проживании заявителя с гражданином предполагается.

Данный вывод подтверждается и существом регулируемых правоотношений. Основанием для ограничения дееспособности согласно части 1 статьи 30 Гражданского кодекса Российской Федерации является такое поведение гражданина, которое ставит его семью в тяжелое материальное положение вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами [7]. М.А. Викут, под юридической заинтересованностью понимала ожидание правового положительного результата, который может наступить для стороны в результате разрешения судом дела [1, с. 14-15]. Следовательно, если гражданин не проживает совместно с членами семьи, его действия с меньшей вероятностью могут быть признаны ставящими семью в тяжелое материальное положение, а значит, и ожидание положительного результата (удовлетворения заявления) у раздельно проживающих родственников отсутствует.

Указанную неопределенность, предполагающую необходимость восполнения пробела в части совместного проживания членов семьи, имеющих право обращения в суд с заявлением об ограничении дееспособности гражданина, дополнительно осложняет тот факт, что само понятие «члены семьи» в российском законодательстве не является однозначным и в различных отраслях права состав таких лиц определяется по-разному в зависимости от целей правового регулирования.

Так, в соответствии со статьей 2 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) к членам семьи традиционно относят супругов, родителей и детей (усыновителей и усыновленных). Однако СК РФ также упоминает и иных лиц, которые могут рассматриваться в качестве членов семьи в определенных правоотношениях: братьев и сестер (статья 93), дедушек, бабушек и внуков (статьи 94, 95), лиц, осуществлявших фактическое воспитание и содержание несовершеннолетних детей (статья 96), отчима и мачеху, пасынков и падчериц (статья 97) [8]. При этом перечень не является исчерпывающим.

В свою очередь, Жилищный кодекс Российской Федерации (далее – ЖК РФ) в статье 31 к членам семьи собственника жилого помещения относит проживающих совместно с ним супруга, детей и родителей, а также других родственников, нетрудоспособных иждивенцев и иных граждан, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи [9]. Аналогично к членам семьи нанимателя жилого помещения часть 1 статьи 69 ЖК РФ относит проживающих совместно с ним его супруга, а также детей и родителей данного нанимателя [9]. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы признаются членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, если они вселены нанимателем в качестве членов его семьи и ведут с ним общее хозяйство. При этом Верховный Суд РФ в п. 25 Постановления Пленума от 02.07.2009 № 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснил, что к другим родственникам при этом могут быть отнесены любые родственники как самого нанимателя, так и членов его семьи независимо от степени родства как по восходящей, так и нисходящей линии [10].

Нормы п. 2 ст. 5 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», например, к членам семьи военнослужащих относят супруга, несовершеннолетних детей, детей-инвалидов старше 18 лет, детей до 23 лет, обучающихся по очной форме, а также лиц, находящихся на их иждивении [11].

Таким образом, одно и то же лицо (например, внук или двоюродный брат) в одних правоотношениях может признаваться членом семьи, а в других – нет. Такая межотраслевая несогласованность порождает правовую неопределенность применительно к процессуальному порядку ограничения дееспособности гражданина, признания его недееспособным, поскольку законодатель в частях 1, 2 статьи 281 ГПК РФ, употребив термин «члены семьи», не указал судам ориентиров для его толкования.

При этом возникает закономерный вопрос: может ли внук обратиться в суд с заявлением об ограничении дееспособности дедушки, злоупотребляющего спиртными напитками, если они проживают совместно с ним и дедушка своим поведением ставит семью в тяжелое материальное положение? С одной стороны, внук не назван в числе членов семьи в ст. 2 Семейного кодекса РФ. С другой – Жилищный кодекс РФ и разъяснения Верховного Суда РФ допускают признание внука членом семьи собственника или нанимателя при его вселении в жилое помещение в качестве члена семьи. Однако дело об ограничении дееспособности регулируется не жилищным, а гражданским процессуальным законодательством, которое прямого ответа на этот вопрос не содержит.

Представляется, что в данном случае судам следует исходить из смысла и цели правового регулирования. Если внук совместно проживает с дедушкой, ведет с ним общее хозяйство, а девиантное поведение дедушки ставит всю семью, включая внука, в тяжелое материальное положение, то внук, безусловно, обладает юридическим интересом в исходе дела.

Аналогичный вопрос возникает и в практике рассмотрения дел о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства. Формально часть 2 статьи 281 ГПК РФ относит к числу заявителей членов семьи и близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер), причем независимо от совместного проживания. Внучка в этом перечне прямо не указана.

Однако возможна ситуация, когда внучка совместно проживает с бабушкой, страдающей психическим расстройством, ведет с ней общее хозяйство, осуществляет уход и фактически является единственным близким человеком, обеспечивающим ее повседневные потребности. При этом родители внучки (дети бабушки) могут отсутствовать (умерли, лишены родительских прав, проживают в другом регионе и не поддерживают связь) либо уклоняться от выполнения обязанностей по защите прав своей матери. В такой ситуации формальное отсутствие внучки в перечне лиц, управомоченных на обращение в суд, создает серьезную правовую проблему: гражданин, который реально заинтересован в защите прав бабушки и объективно не может быть заменен иным заявителем, оказывается лишен возможности подать заявление о признании ее недееспособной.

При этом как уже указывалось, по мнению Р.Е. Гукасяна, юридический интерес представляет собой «объективно существующую социальную потребность в гражданском процессе» [2, с. 472], и наличие такой потребности не должно ставиться в зависимость от формального родства, когда сложились фактические семейные отношения.

Представляется, что в данном случае судам следовало бы исходить из приоритета цели правового регулирования – защиты прав и законных интересов лица, страдающего психическим расстройством, – а не из формального толкования перечня заявителей. Если внучка является фактическим лицом, осуществляющим уход, и при этом отсутствуют иные лица, управомоченные на обращение в суд, ее юридический интерес в исходе дела не вызывает сомнений.

Однако судебная практика зачастую демонстрирует противоположный подход, отказывая в признании иных родственников (внуков, племянников, двоюродных братьев и сестер) надлежащими заявителями.

Так, из апелляционного определения Санкт-Петербургского городского суда от 07.08.2025 по делу № 33-15615/2025 следует, что гражданин М.А. обратился в Калининский районный суд Санкт-Петербурга с заявлением о признании недееспособной проживающей с ним совместно бабушки М.Н., указывая, что является членом её семьи и проживает с ней совместно. Суд первой инстанции отказал в принятии заявления, мотивировав это тем, что заявитель не относится к лицам, управомоченным на подачу такого заявления в силу ч. 2 ст. 281 ГПК РФ.

Санкт-Петербургский городской суд, оставляя частную жалобу без удовлетворения, дал важное системное толкование: «Действующее законодательство не раскрывает понятия «члены семьи» применительно к делам рассматриваемой категории. В то же время анализ действующего законодательства позволяет сформулировать основные составляющие этого понятия: во-первых, к таковым относятся супруг, родители, дети (в том числе усыновители и усыновленные) (ст. 2 СК РФ) и в исключительных случаях – другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные граждане (ч. 1 ст. 31 ЖК РФ); а во-вторых, в большинстве случаев при определении членов семьи фигурирует необходимость совместного проживания с лицом».

При этом суд апелляционной инстанции сделал вывод: «Из системного анализа ст. 281 ГПК РФ следует, что членами семьи являются лишь супруги, дети, родители, сестры и братья; иные родственники, которые вправе признаваться членами семьи в силу положений иных кодексов, не фигурируют в данной статье и не могут признаваться заявителями по данной категории дела. Таким образом, круг близких родственников и членов семьи ограничен названной нормой, перечень возможных заявителей является исчерпывающим».

Показательно, что суд дополнительно проверил характер вселения М.А. в жилое помещение и установил: он был вселен «не в качестве члена семьи, а в качестве пользователя, что также исключает признание его членом семьи М.Н.». Данный пример наглядно иллюстрирует, что даже совместное проживание (подтверждённое справкой по форме 9) и фактический уход за недееспособным лицом не являются достаточными основаниями для наделения иных родственников правом на обращение в суд, если только они не подпадают под узкое формальное определение «члена семьи» в понимании суда. При этом суд фактически использовал жилищное законодательство не для расширения круга заявителей, а для его дополнительного ограничения (через квалификацию цели вселения) [12].

Таким образом, действующая редакция ст. 281 ГПК РФ, ориентируясь на формальный перечень родственников, подменяет критерий юридического интереса критерием родства, что приводит к правовой неопределённости и необоснованным отказам в судебной защите. Представляется верным, чтобы суды при разрешении данной категории дел оценивали доказательства для установления фактических семейных отношений и ведения общего хозяйства, то есть юридической заинтересованности, а не ограничивались установлением формального родства.

До сих пор юридический интерес заявителя рассматривался нами преимущественно как интерес в защите прав самого недееспособного (ограниченно дееспособного) лица. Однако заявление о признании гражданина недееспособным может быть продиктовано и материально-правовым интересом, связанным, например, с возможностью в дальнейшем распоряжаться имуществом такого лица, получать за него пенсионные выплаты или иные социальные блага. Законодатель в ч. 3 ст. 1078 Гражданского кодекса РФ предусмотрел возложение обязанности по возмещению вреда, причинённого недееспособным, на совместно проживающих с ним трудоспособных родственников, что также создаёт у последних объективную материальную заинтересованность в своевременном обращении в суд.

Вместе с тем указанный материальный интерес не всегда является добросовестным. На практике нередки случаи, когда обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным преследует цель не защиты прав самого лица, страдающего психическим расстройством, а установления контроля над его имуществом, недвижимостью или иными активами. Именно для предотвращения подобных злоупотреблений в гражданском процессуальном законодательстве закреплён механизм ответственности недобросовестного заявителя. Так, согласно ч. 2 ст. 284 ГПК РФ, если суд установит, что лицо, подавшее заявление о признании гражданина недееспособным, действовало недобросовестно (например, с целью заведомо необоснованного ограничения или лишения дееспособности гражданина), судебные издержки могут быть возложены на такого заявителя [6]. Данная норма служит важным инструментом обеспечения баланса между доступностью судебной защиты и предотвращением процессуальных злоупотреблений.

Как верно отмечает О.Н. Шеменева, «наличие юридического интереса сегодня является основным критерием, на основании которого обладающие им лица наделяются статусом лиц, участвующих в деле» [5]. Изложенное позволяет сделать вывод, что при определении круга лиц, управомоченных на обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности, формальное родство не должно иметь решающего значения. Задача суда – установить наличие у обратившегося лица подлинного юридического интереса, оценить его добросовестность и реальную заинтересованность в защите прав и законных интересов гражданина, в отношении которого ставится вопрос о дееспособности. Именно такой подход, основанный на критериях юридического интереса, а не на формальном перечне родственных связей, позволит наиболее полно реализовать цели правового регулирования, закреплённые в главе 31 ГПК РФ.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в науке гражданского процессуального права и судебной практике является вопрос о праве прокурора на обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности. Как справедливо отмечает М.М. Закаряева, действующее законодательство допускает двойственное толкование в этой части, а правоприменительная практика, несмотря на формальную определенность, демонстрирует отдельные случаи принятия судами заявлений прокурора [13].

В соответствии с частью 1 статьи 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований [6]. Однако, как отмечала М.С. Шакарян, «органы государственного управления, как и все другие лица, участвующие в деле, имеют самостоятельный юридический интерес в решении суда, однако, в отличие от сторон и третьих лиц, их интерес является не личным (материально-правовым), а государственным, общественным (процессуальным)» [4, с. 769]. Это принципиальное разграничение

имеет ключевое значение для определения процессуальных полномочий прокурора по делам о дееспособности.

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики за второй квартал 2004 года сформулировал однозначную позицию: содержащаяся в части 2 статьи 281 ГПК РФ норма «является специальной, регулирующей порядок возбуждения гражданского дела о признании гражданина недееспособным, поэтому общая норма о возбуждении гражданского дела на основании заявления прокурора, установленная частью 1 статьи 45 ГПК РФ, в данном случае не применяется» [14]. Следовательно, гражданское дело о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства не может быть возбуждено по заявлению прокурора. Аналогичный подход, как обоснованно полагает Верховный Суд РФ, должен применяться и к делам об ограничении дееспособности.

В науке, однако, высказываются и иные мнения. Так, О.А. Рыбалова приходит к выводу, что прокурор в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ вправе обратиться в суд с заявлением о признании лица недееспособным, ограниченно дееспособным в интересах граждан, указанных в ст. 281 ГПК РФ, которым законом предоставлено право на инициирование подобных заявлений [15]. М.М. Закаряева также поддерживает необходимость наделения прокурора правом на обращение, аргументируя это тем, что граждане в ситуации семейного неблагополучия зачастую обращаются в первую очередь именно в прокуратуру, воспринимая её как доступный и авторитетный орган защиты, и подтверждает свою позицию ссылками на статистические данные о рассмотрении судами соответствующей категории дел [13].

На первый взгляд, позиция сторонников расширения полномочий прокурора выглядит привлекательной. Действительно, обращение гражданина в прокуратуру – это уже состоявшийся акт поиска правовой защиты. Отказ прокурора от обращения в суд и перенаправление заявителя в органы опеки создает для гражданина дополнительный барьер, подрывает веру в эффективность государственных институтов. Кроме того, в исключительных случаях – при отсутствии у гражданина членов семьи или близких родственников, а также при бездействии органов опеки и попечительства – прокурор может оказаться единственным субъектом, способным инициировать процедуру ограничения дееспособности.

Тем не менее, представляется, что предоставление прокурору права на обращение с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности не соответствует природе его процессуального положения и той роли, которую он призван играть в данной категории дел. Обоснуем эту позицию. Во-первых, как справедливо подчеркивала М.С. Шакарян, прокурор не обладает материально-правовым интересом в исходе дела. Его интерес – государственный, общественный (процессуальный) [4, с 769], и в рассматриваемом случае он заключается в обеспечении законности и защите прав социально уязвимых социальных групп населения. Но этот процессуальный интерес наиболее эффективно реализуется именно через участие в деле в качестве лица, дающего заключение. Вступая в уже начавшийся процесс, прокурор сохраняет объективность и независимость; он не связан позицией заявителя и может дать суду взвешенное правовое мнение, основанное на анализе всех обстоятельств дела. Если же прокурор сам выступает в роли заявителя, он неизбежно утрачивает эту объективность, превращаясь в сторону процесса.

Во-вторых, дела о признании гражданина недееспособным или об ограничении дееспособности требуют детального исследования семейных, бытовых и медицинских обстоятельств. Сбор доказательств по таким делам – это прерогатива заявителя, который, как правило, проживает совместно с гражданином и располагает необходимой информацией. Прокурор, в отличие от члена семьи или органа опеки, не обладает ни такими сведениями, ни возможностью их оперативного получения без проведения сложных и длительных проверок. Возложение на прокуратуру функции по сбору доказательств по каждому такому делу привело бы к неоправданной нагрузке на надзорный орган и снижению качества его работы.

В-третьих, действующая редакция статьи 281 ГПК РФ содержит достаточный перечень субъектов, управомоченных на обращение в суд. Члены семьи (в широком смысле, включая супруга, родителей, детей, братьев, сестер), орган опеки и попечительства, медицинские организации – этот круг охватывает практически все ситуации, когда возникает необходимость в ограничении дееспособности. Если член семьи бездействует, это его личный выбор, который не должен подменяться активностью прокурора. Более того, расширение круга заявителей за счет прокурора создает риск использования надзорного органа для сведения личных счетов или необоснованного ограничения прав граждан под видом защиты их интересов.

Учитывая изложенное, следует согласиться с позицией Верховного Суда РФ: прокурор не вправе возбуждать дела о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности. Его участие в данной категории дел ограничивается вступлением в процесс для дачи заключения (статья 284 ГПК РФ). При этом, как справедливо отмечает М.М. Закаряева, в случае если прокурор все же обратился в суд с заявлением (например, по аналогии с делами о признании безвестно отсутствующим, где такая практика сложилась), он должен быть освобожден от обязанности давать заключение по делу, чтобы не совмещать две различные процессуальные роли [13].

Вместе с тем, представляется обоснованным предложение о закреплении за прокурором права на таких дел в исключительных случаях – при отсутствии у гражданина членов семьи или близких родственников, а также при невозможности или бездействии органов опеки и попечительства. Органы прокуратуры призваны защищать права граждан в случаях, когда они не могут сделать это самостоятельно. Такое исключение из общего правила не нарушит системности процесса, но позволит восполнить пробелы в правовой защите наиболее уязвимых лиц.

Таким образом, действующее правовое регулирование, ограничивающее роль прокурора дачей заключения, в целом является сбалансированным. Оно не должно быть изменено в сторону расширения полномочий прокурора, но нуждается в дополнении в части возможности его исключительного обращения в суд при отсутствии иных заявителей.

Особого внимания заслуживает вопрос о праве самого гражданина, в отношении которого может быть поставлен вопрос о недееспособности, выступать в роли заявителя.

На первый взгляд, такая ситуация выглядит парадоксальной: гражданин сам инициирует процедуру признания его недееспособным. Однако закон допускает такую возможность, например, при рассмотрении дел о признании гражданина дееспособным (часть 3 статьи 286 ГПК РФ), где заявителем может выступать гражданин, признанный недееспособным, или выбранные им представители.

Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно подчеркивал, что гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен иметь возможность изложить свою позицию по делу лично либо через выбранных им самим представителей [16]. Гражданин также вправе обжаловать вступившее в законную силу решение о признании его недееспособным, если ему не была предоставлена возможность выразить свою позицию.

Однако право гражданина на самостоятельное инициирование производства о признании его недееспособным действующим законодательством прямо не предусмотрено. «Как справедливо отмечают А.В. Юдин и М.С. Шейфер, закон не устанавливает обязанности обращаться в суд с заявлением о признании родственника недееспособным [17], что вступает в определенное противоречие с санкцией, предусмотренной частью 3 статьи 1078 ГК РФ[6]. В этой связи отсутствие у самого гражданина права на обращение выглядит пробелом, поскольку возможны ситуации, когда гражданин осознает наличие у него

психического расстройства, понимает, что не может полноценно руководить своими действиями, и желает установления над собой опеки для собственной же защиты.

В такой ситуации, как справедливо отмечает Т.В. Сахнова, процессуальное воплощение интереса и заинтересованности остается неактуализированным [3, с. 84]. В данном случае законодатель мог бы исходить из того, что фактический интерес гражданина (субъективно осознаваемая потребность в установлении опеки) совпадает с его юридическим интересом (объективной потребностью в судебной защите), что давало бы основания для предоставления ему права на обращение в суд.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования правового регулирования круга лиц, имеющих право на обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности. При этом применительно к делам главы 31 ГПК РФ именно юридический интерес, а не формальный перечень родственников должен служить ориентиром судам для определения надлежащих заявителей. Это позволит устранить правовую неопределённость и необоснованные отказы в судебной защите.

Литература

1. Викут М.А. Стороны – основные лица искового производства // Викут – 60 лет научно-педагогической деятельности. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 156 с.
2. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве // Научное наследие кафедры гражданского и административного судопроизводства (гражданского процесса): Сборник научных трудов. М., 2017. С. 437-589.
3. Сахнова Т.В. Интерес и заинтересованность в цивилистическом процессе // Развитие процессуального законодательства: к пятилетию действия АПК РФ, ГПК РФ и Федерального закона РФ «О третейских судах в Российской Федерации»: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 15-16 февраля 2008 г.) / Под ред. Е.И. Носыревой. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. С. 84-92.
4. Шакарян М.С. Избранные труды. Учение о сторонах в советском гражданском процессе // М.С. Шакарян. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2014. 880 с.
5. Шеменева О.Н. Юридический интерес в гражданском судопроизводстве: развитие взглядов и современное значение // Вестник гражданского процесса, 2016, № 2. СПС «КонсультантПлюс».
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). // Российская газета. № 220. 20.11.2002.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Российская газета, № 17, 27.01.1996.
9. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Российская газета, № 1, 12.01.2005.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О статусе военнослужащих» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.08.2025 № 33-15615/2025 (УИД 78RS0005-01-2025-005673-21) // СПС «КонсультантПлюс».
13. Закаряева М.М. Проблемные вопросы участия прокурора при рассмотрении отдельных категорий дел особого производства // Законы России: опыт, анализ, практика, 2018, № 6. СПС «КонсультантПлюс».
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2004 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 6 октября 2004 г.) // Обзоры судебной практики Верховного Суда: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2004/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2004.10.06.html (дата обращения: 19.05.2026).
15. Рыбалова О.А. Участие прокурора в рассмотрении судами заявления об ограничении дееспособности гражданина, о признании гражданина недееспособным // Законность. 2015. № 6. СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 N 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании" в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Юдин А.В., Шейфер М.С. Проблемы юридической ответственности членов семьи лица, не способного в момент причинения вреда понимать значение своих действий и руководить ими. // Юрист, 2007, № 9. СПС КонсультантПлюс».

Legal interest as a criterion for determining appropriate applicants in cases of limitation of legal capacity (recognition of a citizen as incompetent): problems and prospects

Gritskikh E.A.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The article analyzes the problems of determining the circle of proper applicants in cases of restriction of legal capacity and recognition of a citizen as incapacitated. Based on doctrinal approaches and judicial practice, it is substantiated that the formal list of relatives in Article 281 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation replaces the criterion of legal interest with the criterion of kinship. This leads to unjustified refusals of judicial protection. The author suggests that courts should focus on assessing actual family relationships and household management, grant the prosecutor the right to appeal in exceptional cases (when other individuals are inactive), and allow the citizen to initiate their own recognition as incapacitated.

Keywords: legal interest, restriction of legal capacity, recognition of legal incapacity, proper applicant, family members, Article 281 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

References

1. Vikut M.A. Parties – the main persons of the claim proceedings // Vikut – 60 years of scientific and pedagogical activity. Saratov: Publishing House of the State Academy of Law, 2007. – 156 p.
2. Gukasyan R.E. The problem of interest in the Soviet civil procedural law // Scientific heritage of the Department of civil and administrative proceedings (civil process): Collection of scientific papers. M., 2017. Pp. 437-589.
3. Sakhnova T.V. Interest and Involvement in the Civil Procedure Process // Development of Procedural Legislation: On the 5th Anniversary of the Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, and the Federal Law of the Russian Federation «On Arbitration Courts in the Russian Federation»: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Voronezh, February 15-16, 2008) / Edited by E.I. Nosyreva. Voronezh: VSU Publishing House, 2008. Pp. 84-92.
4. Shakaryan M.S. Selected Works. The Doctrine of Parties in the Soviet Civil Procedure // M.S. Shakaryan. St. Petersburg: Legal Center Press, 2014. 880 p.
5. Shemeneva O.N. Legal interest in civil proceedings: the development of views and modern significance // Bulletin of Civil Procedure, 2016, No. 2. SPS «ConsultantPlus».
6. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 No. 138-FZ (as amended on 12/15/2025, as amended. from 12/22/2025 with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2026). // Rossiyskaya Gazeta. No. 220. 20.11.2002.
7. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025, as amended. dated 03/25/2026) (with amendments and additions, intro. effective from 08/01/2025) // SPS «ConsultantPlus».
8. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended on 03/23/2026, as amended. dated 05/15/2026) // Rossiyskaya Gazeta, No. 17, 01/27/1996.
9. Housing Code of the Russian Federation, dated 12/29/2004, No. 188-FZ (as amended on 05/02/2026) // Rossiyskaya Gazeta, No. 1, 01/12/2005.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, dated 07/02/2009, No. 14 (as amended on 12/9/2025) «On certain Issues which arose in judicial practice when applying the Housing Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
11. Federal Law No. 76-FZ dated 05/27/1998 (as amended on 12/15/2025) «On the Status of Military Personnel» (as amended and supplemented, intro. effective from 12/26/2025) // SPS «ConsultantPlus».

12. The Appeal Decision of the St. Petersburg City Court dated 07.08.2025 No. 33-15615/2025 (UID 78RS0005-01-2025-005673-21) // SPS ConsultantPlus.
13. Zakaryayeva M.M. Problematic Issues of the Prosecutor's Participation in the Consideration of Certain Categories of Special Proceedings // Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2018, No. 6. SPS «ConsultantPlus».
14. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2004 (approved. By the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 6, 2004) // Reviews of the Supreme Court's Judicial Practice: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2004/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2004.10.06.html (accessed on May 19, 2026).
15. Rybalova, O.A. Prosecutor's Participation in the Judicial Review of Applications for Restricting a Citizen's Legal Capacity and Declaring a Citizen Incapacitated // Legality. 2015. No. 6. SPS «ConsultantPlus».
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 4-P dated 02.27.2009 «On the case of checking the constitutionality of a number of provisions of Articles 37, 52, 135, 222, 284, 286 and 379.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Part four of Article 28 of the Law of the Russian Federation «On Psychiatric Care and Guarantees of Citizens' Rights in its provision» in in connection with the complaints of citizens Y.K. Gudkova, P.V. Shtukaturov and M.A. Yashina» // SPS «ConsultantPlus».
17. Yudin A.V., Sheifer M.S. Problems of Legal Responsibility of Family Members of a Person Who Is Incapable of Understanding the Meaning of Their Actions and Controlling Them at the Time of Causing Harm. // Yurist, 2007, No. 9. SPS ConsultantPlus.